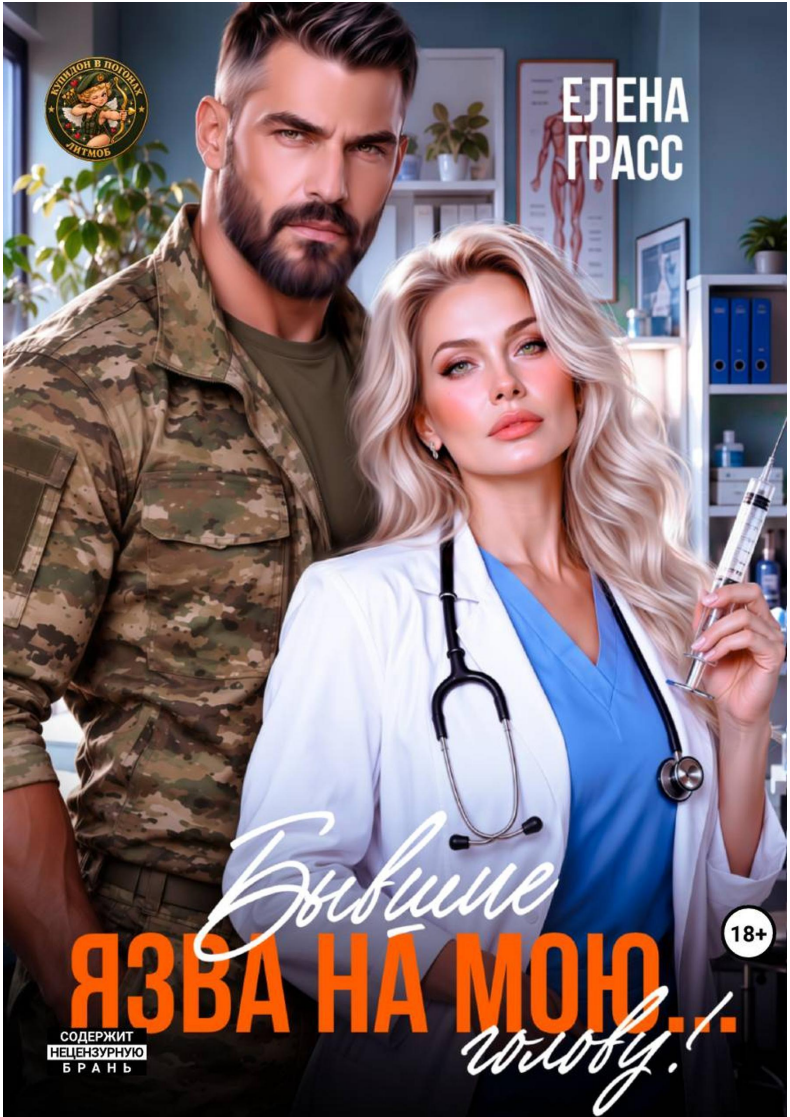
ЕЛЕНА
ГРАСС
Бывшие
ЯЗВА НА МОЮ...
голову!
18+
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Елена Грасс

Бывшие. Язва на мою ... голову!

Серия «Купидон в погонах»

https://litres.ru/74956652
SelfPub; 2026

Аннотация

— Добрый день.

— Привет, — выдавливаю я. — Вот уж кого не чаял здесь увидеть.

— Что беспокоит? — интересуется Ирина.

— Теперь ничего! Пульс как у космонавта, боль в груди ушла. Я совершенно здоров. Выписывайте меня!

— Не спешите. Мы ещё даже до процедурного кабинета не дошли.

— Лучше и не начинать...

Пару дней назад я собирался в лучший мир, думая, что у меня проблемы с сердцем. Но одна язва из прошлого решила, что мне ещё рано.

Сейчас она стоит напротив, держа в руках мою медицинскую карту, и смотрит с таким выражением лица, будто вселенная выдала ей официальное разрешение на легальные пытки.

Её идеальный маникюр лениво перелистывает бумаги, а на лице играет выражение сытой кошки, которая только что прижала лапой к асфальту беспомощного воробья.

— Отыгрываться будешь? — вздыхаю, прикидывая шансы на побег.

— Зачем же так примитивно? — мурлычет она, сверкая глазами. — Я, конечно, свято чту клятву Гиппократа. Но в ней ничего не сказано про то, что лечение должно быть безболезненным.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Бывшие. Язва на мою ... голову!

Глава 1

ИРИНА

Звук входящего вызова настойчиво врезается в тишину спальни.

Сквозь глубокий сон я не сразу понимаю, откуда идёт звук. Мозг пытается вплести в эту громкую мелодию обрывки сна и реальности одновременно.

Через несколько секунд до меня доходит понимание, что это звонит мой сотовый. Аппарат не умолкает, бешено дрожит на гладкой тумбе у кровати и едва ли не соскальзывает на пол.

Взять его в руки кажется непосильной задачей. За плечами тяжелейшая смена в больнице и бесконечный дневной приём. Кажется, из меня выкачали все силы разом. Мышцы гудят, руки налиты свинцом, а в голове стоит плотный туман изнурительной усталости.

— Да сбрось ты звонок! Спать мешает! — недовольно бубнит со своей половины Антон.

Сквозь темноту не открывая глаз, нащупаю скользкий холодный корпус и подношу экран к глазам. Яркий свет от га-

джета безжалостно режет зрачки.

Смотрю на время. Чуть за полночь.

На дисплее высвечивается фотография дочери и внука, и это мгновенно заставляет меня собраться.

— Алло… — шепчу я слегка пересохшими губами. — Надя…

— Мамочка…

— Надя, что случилось?!

Вместо ответа в трубке — громкие всхлипы.

— Мамочка… он… он вытолкал нас из дома.

— Кто вытолкал? Куда? — Я резко сажусь на кровати, сбрасывая одеяло, и щёлкаю выключателем ночника. Свет мгновенно разливается по комнате, падая лучами в лицо Антона.

Муж тут же начинает раздражённо стонать и с головой накрывается одеялом.

— Марк вытолкнул! — говорит она громче.

Дочь снова заходится рыданиями, и следом на заднем плане сквозь её всхлипы доносится надрывное, захлёбывающееся хныканье крошечного Саввы.

— Надя, где ты сейчас? Вы с малышом дома?!

— Нет. Мы стоим на лестничной площадке. Я сама в пижаме, Савва в одеяле. Но я успела схватить телефон.

Я вскакиваю с кровати и босыми ногами, на ходу накидывая халат, торопливо выхожу из комнаты, притворив за собой дверь.

— Ничего не понимаю. Как… Как на лестничной площадке? А Марк где? Прекрати плакать и говори толком! Я ничего не понимаю.

Конечно, я догадываюсь, что у дочери шок, но мне нужна информация.

— Он пришёл с работы взвинченный и злой. Сначала его не устроила запеканка. Потом он сказал, чтобы я ушла с ребёнком на кухню и не высовывалась. О Савва так соскучился по нему. Он к нему так просился. В итоге он разорался как ненормальный. А Савка испугался и расплакался. Я взяла его на руки, прижала, а Марк… он стал требовать, чтобы я заткнула ему рот.

— Надя… — единственное, что у меня получается сказать, находясь в шоке.

— Он кричал: «Заставь его замолчать! У меня от его ора голова болит!». В итоге сын испугался ещё больше и начал плакать сильнее. Марк начал говорить, что я плохая мать, раз не могу успокоить ребёнка, и толкнул меня к двери.

— Иди к соседке. Мы скоро приедем.

— Она осталась на даче жить. Мама, забери нас. Я никогда не думала, что он такой псих.

— Едем!

Не вижу больше смысла разговаривать. Сбрасываю халат прямо на пол прихожей, и, чтобы одеться вихрем несусь в комнату. Руки слегка потрясываются от бешеного выброса адреналина.

Когда я пытаюсь надеть на себя джинсы, у меня ничего не получается. Словно назло ткань застревает в замке, а молния не слушается онемевших пальцев.

Застегнув их, кручу головой по сторонам в поисках свитера. Натягиваю его через голову, одновременно обращаясь к мужу:

— Антон! Вставай!

— Зачем? Я только заснул, — слышу недовольное. — Что ещё?

— Поднимайся, говорю!

Чтобы ускорить процесс его поднятия с кровати, решительно щёлкаю выключателем на стене. Яркий потолочный свет заливает комнату.

Муж резко прикрывает лицо локтем, с силой жмурясь, и раздражённо шипит:

— Ира, твою мать! Какого хрена ты творишь?! Выруби люстру! Глазам больно!

— Поднимайся, я сказала! — Я достаю из шкафа его джинсы и швыряю их прямо на постель. — Нам нужно срочно ехать к Наде. Прямо сейчас! Мне нужна твоя помощь!

— Что там ещё? — недовольно морщится.

— Там беда, и я одна не справлюсь.

Антон даже на слово «беда» не реагирует. Он по-прежнему не делает ни малейшего движения. Просто лежит, отвернувшись от меня, и продолжает прятать глаза от яркого света.

Я делаю шаг к кровати, хватаю его за голое плечо и с силой встряхиваю.

— Ты оглох, что ли?! Марк толкнул Надю! Он выгнал их на лестницу. Они стоят на холоде.

Антон наконец-то открывает глаза и смотрит на меня с откровенным удивлением.

— А ехать – то к ним зачем? — не понимает моего стремления отправиться к дочери. — Пусть заходят домой, и ложатся спать.

В состоянии шока от его только что сказанных слов не сразу нахожусь что ответить. Просто стою напротив, хлопаю глазами и молчу.

— Ты обалдел, что ли? Нам позвонила дочь. У неё проблемы. Она просит забрать её и нашего внука. Да ты, как её отец быстрее меня бежать на помощь должен!

— Я ей ничего больше не должен. Она вышла замуж? Вышла! Вот теперь и пусть разбирается сама со своим мужем. А ты не суй свой нос в чужую семью! — Последние слова он выплёвывает особенно громко.

После этого Антон резко откидывает одеяло, поднимается с кровати и босиком шагает мимо меня к выходу.

Не понимаю, что он собрался делать. Он же только что сказал, что никуда не поедет.

Но не проходит и пары секунд, когда он подходит к косяку и демонстративно громко бьёт по выключателю кулаком. Комната снова погружается в темноту.

— Ира, пожалей меня и себя. А если меня не жалко, себя пожалей. Ты только без сил с дежурства приползла. Сама же говорила мне, что жутко устала. А потому успокойся, ложись спать и не устраивай цирк на ровном месте.

Из-за равнодушного отношения мужа к проблеме нашей дочери пару секунд стою в оцепенении. Но быстро беру себя в руки. С моей профессией я привыкла делать это практически молниеносно.

— Нет, я не успокоюсь, пока мой ребёнок в беде.

— Вот упрямая...

— Я сказала, собирайся, — повышаю голос.

Не желая больше препираться, делаю шаг вперёд и наотмашь, с силой бью ладонью по выключателю. Это простое действие действует на моего мужа как спусковой крючок.

Глава 2

— Идиотка… — Антон вцепившись пальцами мне в плечи грубо выставляет меня вон из нашей общей спальни.

В этом резком движении столько пренебрежения и злости, словно перед ним не законная жена после двадцати двух лет брака, а случайная, назойливая тётка, посмевшая нарушить его покой.

Дверь спальни оглушающим стуком захлопывается перед самым моим носом. Громкий щелчок замка звучит как доказательство того, что он никуда не поедет.

— Антон, пусти! Немедленно открой! — я с яростью дёргаю холодную металлическую ручку, наваливаясь на дверное полотно всем телом. От собственного бессилия хочется плакать.

— Открою. Но начала успокойся и тогда зайдёшь в спальню, — его глухой голос из-за двери звучит невыносимо ровно.

— Отдай телефон. Я поеду одна.

— Успокойся, — словно робот размеренно повторяет одно и то же слово.

Антон часто так делает. Включает ледяного хозяина положения, когда внутри меня всё трепыхается от возмущения.

Таким образом он старается показать мне, что я не вижу реального положения дел и веду себя как истеричка.

— Откроешь или нет? Время идёт.

— Нет.

— Да пошёл ты!

Я отступаю на шаг, понимая, эта ситуация мне не по зубам.

Ладно, плевать. Обойдусь без мобильника. Вызову такси прямо на улице, поймаю попутку — неважно как, главное — добраться до дочери.

Иду в прихожую и опускаюсь на мягкий пуф.

Слышу, как открывается дверь в спальню, но лица уже не поднимаю.

Я принципиально не обращаю теперь на него внимания, но боковым зрением отчётливо фиксирую: муж выходит в коридор уже полностью одетый. И на нём те самые тёмные джемпер и джинсы, которые я бросила ему в спальне.

Хочу зло улыбнуться, но сдерживаюсь. Неужели в этой броне непробиваемого эгоизма всё-таки шевельнулась отцовская совесть?

Внутри всё клокочет от обиды. Ну и к чему было устраивать весь этот спектакль, если ты прекрасно знаешь, что в пяти кварталах от тебя прямо сейчас за дверью квартиры стоит твоя дочь с малышом на руках и надеется только на нас?

Антон останавливается в паре шагов, небрежно засовывая руки в карманы джинсов:

— Ты правда собралась ночью ехать? — спрашивает он.

— Это наша дочь, Антон, — пытаюсь объяснить снова,

натягивая второй ботинок. — И если Надю муж выставил за дверь в час ночи, я поеду. А ключи от машины спрячешь, значит, пешком пойду.

Антон театрально закатывает глаза к потолку, шумно выпуская воздух сквозь зубы и качает головой:

— Ох уж эта ваша материнская самоотверженность. Полная глупость современных баб.

— Ты зачем вышел? И оделся даже. Поиздеваться? Упрекнуть? Сказать, что я дура? Зачем?

— Чтобы ты поняла, что у страха глаза велики. Вот увидишь, пройдёт пару минут, и они уже помирятся. Уже же ссорились. И ничего, живут! Ребёнка даже родили.

— Ты как хочешь, а я всё равно поеду к ним, — не слушаю его доводы. — Я всё равно не смогу спать, если моему ребёнку плохо.

— Прекрати нести чушь. Ничего он ей не сделает. Остынь. Марк вспыльчивый, заносчивый придурок, но точно не круглый идиот. Он прекрасно знает, кто её родители. Как и прекрасно знает, что мы её защитим.

— Ну вот и защити! — я резко вскидываю голову и подскакиваю с пуфа. — Прямо сейчас! Не словами, а делом! Чего ты стоишь?!

Антон тяжело вздыхает, сжимает губы, чтобы снова не огрызнуться, и медленно лезет в карман джинсов.

Он достаёт оттуда смартфон, нервно тычет пальцем в экран и прижимает трубку к уху.

Желваки на его скулах ходят ходуном, а ноздри раздуваются от тяжело сдерживаемой ярости.

— Алло, привет, Марк.

— Добрый вечер, — отзывается наш зять ровным, почти безразличным тоном.

— Что там у вас происходит?

Пока тот не успевает ответить, муж демонстративно нажимает значок громкой связи и делает шаг ко мне, держа телефон на раскрытой ладони. Я замираю с ботинком в руке, переставая обуваться.

— А что происходит? — голос зятя в динамике звучит слегка растерянно.

Вот наглец! Он просто издевается над нами, пытаясь выставить нас полоумными паникёрами.

Он же прекрасно знает, что сам вытолкал жену и ребёнка за дверь, и Надя, конечно, позвонила нам.

— Ночь на дворе! — рявкает мой муж так, что стекло в межкомнатной двери едва заметно вибрирует.

Обычно Антон сдержан и повышает голос крайне редко, но сейчас в этот свирепый рык он вкладывает всю свою тяжёлую отцовскую силу, весь накопленный годами авторитет главы семьи, желая буквально расплющить зятя через экран.

— Ой… Я не посмотрел на часы, простите.

— Теперь посмотри на свои чёртовы часы, подними задницу, подойди к двери, поверни замок и впусти мою дочь с внуком домой! — чеканит Антон. — Немедленно, Марк,

иначе я сам через десять минут буду у вас, и тогда...

Муж недоговаривает, что он сделает тогда. Но уверена: Марку это и не нужно. Он догадается сам.

— Ты меня слышишь?

— Да. Но я не понимаю ваших претензий.

— Ты... Идиот?!

— Почему?

— У тебя в подъезде стоят моя дочь и твой ребёнок...

— Они дома, — перебивает Марк.

— Не ври мне, щенок! — ещё громче рявкает Антон, и желваки на его скулах вздуваются буграми. — Надюха только что разговаривала с матерью и сказала, что они с сыном стоят на лестнице. Ты что, совсем офонарел?!

— Я не вру.

Зять больше ничего не говорит. Проходит пару мгновений, когда мы слышим какую-то возню.

— Надь! — кричит Марк в сторону, удаляясь от микрофона. — Подойди к телефону и возьми трубку! Твой отец мне не верит.

Не проходит и нескольких секунд, как в динамике слышится голос дочери:

— Да, пап… Привет.

— Привет. Мать сказала, что ты в подъезде, а ты… Ты действительно дома? — тон Антона смягчается лишь на долю градуса. Он говорит с ней не так грубо, как с Марком, но в голосе всё равно звенят жёсткие интонации.

В трубке повисает молчание.

— Надя! Я задал вопрос!

— Да… Да, пап, я дома, — торопливо, почти скороговоркой выпаливает дочка. — Всё хорошо. Он… он открыл нам дверь. Буквально сразу, как мы поговорили с мамой. Впустил нас в квартиру. Всё нормально, правда.

Она говорит с отцом, но я отчётливо слышу, как сквозь эти слова пробиваются шипящие нотки в голосе Марка на заднем плане:

— Зачем ты вообще родителям звонила, дура малахольная.

О том, какими словами он разговаривает с моей дочерью, у меня мороз идёт по коже. Словно меня саму облили помоями и надели сверху на голову ведро.

Я открываю рот, чтобы потребовать прекратить так говорить с Надей, но дочь меня опережает:

— Пап, мам… Простите, что побеспокоила. Не надо было… — Она старается говорить ровно, но в голосе отчётливо слышны сдавленные слёзы.

— Понятно… — бубню про себя.

Мой муж смотрит на меня так, словно он победил в самой важной битве.

— Дочь, секунду, — Антон, чтобы нас не было слышно, нажимает на отключение микрофона. — А что тебе понятно, Ира? Что эта дура всех на уши подняла, а сама через пять минут уже дома?

Подхожу и протягиваю руку. Жду, что он даст мне свой гаджет.

— Что?

— Дай телефон. Я поговорю с ней сама.

Он нехотя отдаёт его мне, и я снова нажимаю на включение микрофона.

— Надя, мы едем! Слышишь меня? Сиди там, мы сейчас будем!

Глава 3

— Мам, не надо! Пожалуйста! Прости меня. Зря я тебе позвонила. Я погорячилась, мы просто поругались.

— Ты уверена? — еле слышно спрашиваю я.

— Да. Да, мам… Савва уже спит, так что не надо никуда ехать.

Она говорит «да», но материнское нутро не обманешь. Каждое слово из уст моей дочери сочится неуверенностью.

Понимаю, что она врёт. Я физически чувствую, что Надя хотела бы сказать мне совершенно другое. Но из-за своего отца не делает этого.

У них сложные отношения, и Антон не любит, когда мы начинаем говорить о проблемах Надежды в её семье.

— Ну? Всё слышала? — муж с вызовом смотрит на меня сверху вниз, продолжая победоносно улыбаться углом рта.

Ему приятно, что он показал свою значимость и быстро разрешил эту ситуацию. Только разрешил ли?

— Пока, папа. Спокойной ночи, — торопливо бросает Надя и сбрасывает вызов.

Антон удовлетворённо кивает, опускает руку с телефоном и следом убирает его в карман.

— Вот дура! Прав мой зять, чёрт побери! Зачем надо было нас поднимать посреди ночи?! Эгоистка долбанная! Устроила истерику на ровном месте!

— Прекрати! — срываюсь я повышенный тон. Последнее время мы разговариваем в этом состоянии чуть ли не ежедневно. — Как у тебя язык поворачивается?! К кому, кроме нас, наша дочь ещё может обратиться за помощью? К кому, Антон?!

— Замуж вышла? Вышла! Сама этого придурка выбрала? Сама! Мы её отговаривали? Отговаривали! Ребёнка родила? Родила! Всё! Это называется взрослая жизнь! Свободное плаванье! А значит, пусть сама учится выплывать, а не дёргает родителей по каждому пустяку!

Пока муж говорит, я не спорю. Молча смотрю на мужчину, с которым делила постель больше двадцати лет, и вдруг понимаю, что передо мной абсолютно чужой человек. Сытый. Равнодушный. И беспощадный.

Но не просто беспощадный, а к своему ребёнку. Единственному, кстати.

— Пойдём спать!

Он, не дожидаясь меня, разворачивается и, снимая вещи на ходу, бросает их на стул. Джинсы падают мимо, но он даже не пытается их поднять.

Следом летит и кофта. И тоже на пол.

Я снимаю ботинки и аккуратно ставлю их в угол прихожей. В отличие от него я не люблю бардак. Потому что именно я постоянно пытаюсь держать дом в чистоте. У Антона с этим делом проблемы.

— Поругались они, подумаешь! — Антон ложится в кро-

вать и продолжает судить дочь. — Утром перебесятся и помирятся. Семья — это притирка! Надя всегда всё преувеличивает, ты же знаешь её характер. Чуть что — трагедия мирового масштаба! А всё потому, что ты потакаешь!

Я не отвечаю. Также как он, стягиваю джинсы, кофту и вешаю их на стул.

Забираюсь под одеяло, но согреться не могу. Меня колотит крупная, противная дрожь.

И снова я не хочу обсуждать это, потому что Антон хоть и зло отзывается о дочери, но в какой-то степени он прав. Мы никогда не любили нашего зятя.

Перед глазами всплывает недавний семейный обед. Тогда у зятя было день рождения, и нас пригласили посидеть в тихом семейном кругу.

Мы сидели на их кухне, пили чай, и маленький Савва, потянувшись к столу, смахнул фарфоровую чашку.

Марк как раз выходил из кухни и едва не наступил ногой на острый край.

Я до сих пор помню, как Надя, увидев лицо мужа, сразу же вся сжалась. Мне показалось, что она не просто испугалась, — она физически уменьшилась в размерах, втянув голову в плечи.

В этот момент мне даже почудилось, что она ожидала от него удара. Но я сразу же отогнала от себя эти мысли.

Его взгляд до сих пор стоит у меня перед глазами. Он посмотрел на неё не как на любимую женщину и мать своего

сына, а как на досадную помеху, которая доставила ему очередные хлопоты.

Я тогда проглотила эти предположения, но не забыла.

— Это не просто поругались. Он, как мне кажется, поднимает на неё руку, — тихо говорю, отвернувшись от Антона. — Что ещё должно случиться, Антон?

После моих слов он несколько секунд молчит, и у меня появляется надежда, что он прислушается ко мне и тоже станет внимательным к семье дочери.

Но как только он говорит следующие слова, я понимаю, что все мои попытки объяснить свои страхи тщетны.

— Ира, я уверен: ты раздуваешь из мухи слона. Обычная бытовуха с конфликтом посреди ночи.

— Всё, закончили разговор, — натягиваю одеяло до самого подбородка. — Ночь на дворе. Давай ложиться спать.

— А нечего было и вставать! — в отличие от меня теперь он не унимается. — Вот зачем надо было меня поднимать? Зачем этот цирк? Только нервы вымотала…

Теперь мы поменялись местами. Теперь не может успокоиться он.

Ну я почему была так возмущена — дело понятное. Но он – то чего всё не угомонится?

Я понимаю, что если останусь здесь ещё на минуту, меня просто разорвёт от злости на мужа.

Резко откинув одеяло, я встаю с постели. Молча, не глядя на него, выхожу из спальни.

— Ты куда опять? — летит мне в спину.

— Буду спать в комнате Нади. Слушать всё это…

— Вот и не слушай, — как я догадываюсь: он не против, чтобы я спала отдельно. — Спокойной ночи.

Я захожу в её комнату, не включая свет, прикрываю дверь, подхожу к окну и прижимаюсь разгорячённым лбом к стеклу.

Как же мне тяжело последнее время рядом со своим мужем. Но самое главное — я не знаю причин.

Он говорит, что всё дело во мне. Мол, я слишком уставшая, раздражённая, всем недовольная.

А я тоже самое могу сказать и о нём самом.

Мы даже бесконечно разговаривая словно перестали слышать друг друга.

После того, как Антон позвонил нашему зятю я думаю о дочери почти каждую секунду.

Я же чувствую, что ей тяжело. И не просто тяжело, а невыносимо. Только признаться в этом она не решается. Вероятно, стыдно признать, что мы с её отцом оказались правы.

Антон хочет поговорить с Марком. А я в эти разговоры не верю. Импульсивность в человеке не искоренить. А у Марка этого в избытке.

Не знаю, изменится ли он когда-нибудь. Время покажет.

Но сейчас я точно знаю: у них не всё гладко. Но копаться в этом я не хочу, ведь у меня на всё и всех уже не остаётся душевных сил.

Вокруг много других проблем: бесконечные больничные дежурства, суета в отделениях, чужая боль и тяжёлые смены вымотали меня до предела, высушив тело и мысли.

Но в глубине души я благодарна этой изнуряющей усталости. Благодаря ей я слишком быстро засыпаю и у меня не остаётся время на думы.

Глава 4

МАРК

Разминка проходит так, как я люблю: мышцы напряжены до предела.

Поднимаюсь на ринг и сразу чувствую, как вокруг меня меняется воздух.

Ну вот, я снова в родных стенах и с теми чувствами, которые испытываю всегда.

Пока Лёха делает разминку, я пытаюсь вспомнить привычные движения. Двигаюсь медленно и точно, не позволяя расслабиться ни на минуту.

Я отдаю себя этой тренировке без остатка и испытываю от этого колоссальное удовольствие.

Плечи напрягаются, спина становится твёрдой, мышцы рук наливаются жаром.

Несколько минут, и неожиданно замедляю темп. Чувствую, что дыхалка не позволяет мне продолжать.

Лёгкое покалывание в груди заставляет остановиться.

Замираю, но не расслабляюсь. Трогаю в районе груди. Боли нет. Значит, показалось.

Несколько секунд на восстановление — и снова в работу.

— Ну что, готов? — проходит мимо меня Зверев.

— Готов, — я поправляю бинты на запястьях и несколько раз сжимаю и разжимаю кулака.

— Ну тогда, пойдём, начищу тебе рожу. Может, быстрее в форму придёшь.

— Не надейся! Твоя задница пострадает первой! — хмыкаю я, расправляя плечи. В этот момент в груди снова появляется дискомфорт, но я стараюсь не обращать на него внимание и делаю хук.

Зверев только усмехается и стягивает через голову футболку. Под ней — сухие, рельефные мышцы.

Он двигает плечами, разминаясь, и я невольно сравниваю его форму со своей. Сравнение получается не в мою пользу.

Год перерыва не проходит даром.

— Ты зачем футболку снял? Девушек здесь сегодня нет. А передо мной красоваться — пустые хлопоты.

— Больно ты мне нужен, придурок! — накручивает на руки бинты. — Забыл сменную футболку дома. Боюсь пропотеть сильно, пока тебя гонять по рингу буду.

У нас со Зверевым дурацкие шутки. Мы можем поддевать друг друга по любому поводу, но давно уже никто не принимает это всерьёз.

Впрочем, как и мы сами.

У нас, если можно так сказать, есть своя традиция: встретиться, обменяться колкостями, и только потом заняться делом.

— Соберись, тряпка! — командует Зверев подмигивая.

Не могу сдержать ответной улыбки. Лёха знает, как я счастлив сегодня. Для меня спорт — это жизнь. И этой жиз-

ни я лишился на долгое время из-за ранения.

Поднимаю руки и встаю в стойку. Зверев тоже становится напротив, но не спешит начинать.

Он внимательно смотрит на меня, и его улыбка постепенно исчезает.

— Марк, ты уверен? — Лёха вдруг становится серьёзным. Не знаю, что он такого увидел в моей физиономии, но я замечаю, как он не решается начинать.

— А почему нет?

— Ты выглядишь бледно.

— Норм всё! Уверен. Не гунди.

— Может, всё-таки после такого ранения нельзя...

— Ты о чём? — включая амнезию.

— Ладно… — выдыхает он уступая. — Так уж и быть. Помну тебя немножко. А потом посмотрим.

Мы начинаем спарринг. Алексей ведёт.

Он сразу давит темпом: короткий шаг вперёд, резкий джеб, ещё один — уже мне в защиту.

Я ставлю блок и отхожу на полшага, не сводя с него взгляда. Он улыбается, будто уже записал себе победу.

— Ну что, малыш, готов сдаться? — дразнит Лёха, обходя меня по дуге.

— Хрен тебе, дяденька! — стараюсь держать дыхание.

— Удары у тебя как у …

Бью ему в скулу. Он морщится.

— Учти, я тебе просто поддаюсь. Меньше болтай, а то ты

разукрашенный выйдешь!

Он снова наступает.

— Не расслабляйся, Марк! — бросает он резко, когда я пропускаю удар.

Он довольно сильный и теперь мне уже не до шуток.

Не понимаю, что со мной такое, но боль в груди снова проявляет себя лёгким покалыванием.

Я тут же сбиваюсь с ритма и пытаюсь крутить головой, словно этим могу прогнать неприятное ощущение.

— Марк, всё нормально? — Лёха, замечая это, останавливается, опускает руки и делает шаг ко мне.

— Лёх, прекращай! — злюсь на него и продолжаю двигаться.

Алексей снова ведёт. На мои попытки ударить его, он отвечает мне боковым.

Я пригибаюсь, отбиваю удар и ухожу в сторону. Ещё несколько минут и движения становятся быстрее, а дыхание — тяжелее.

Пока мы двигаемся в этом странном танце, вокруг нас постепенно исчезает всё лишнее: разговоры, шутки, музыка, шум из окон.

Остаёмся только мы, дистанция и ритм боя.

Алексей снова идёт вперёд. Он работает напористо и слишком прямолинейно. Он знает: я ненавижу, когда меня жалеют.

Прохожусь ему коротким ударом в корпус. По тому, как он резко выдыхает и чуть нагибается, понимаю: я попал точно в цель.

— Это за «девочку», — говорю я, слегка пританцовывая, и наношу следующий удар. — А это за твоё дебильное чувство юмора.

— Ах, так! Ну, держись, зараза!

Алексей полностью включается в спарринг. Он выбрасывает серию ударов.

Сначала пытается попасть в рёбра, потом в голову. Я закрываюсь, двигаюсь по кругу и не позволяю загнать себя к канатам.

Замечая, как он начинает уставать, я мгновенно сокращаю дистанцию и иду на опережение.

Он пытается развернуться, но я быстрее.

— Ну что, ведущий? — спрашиваю я. — Потерялся?

Он фыркает и толкает меня плечом.

— Раунд не закончен! — уступать друг не планирует.

— Я и не тороплюсь. Ты своё ещё не всё получил.

— Не подумай, что я сдаюсь, но, может перекур?

— Перекур, — соглашаюсь.

Да, заметно, что он устал. Но я устал сильнее.

Лёха тренировался весь этот год, а я не мог. У меня было очередное ранение, и я провалялся в госпитале почти два месяца.

Пробовал сбежать оттуда, но меня поймали и чуть ли не

силком запихнули обратно.

Мы молча сидим на скамье уже минут пять.

Я откидываюсь назад, закрываю глаза и упираюсь затылком в стену. Стараюсь восстановить дыхание.

Лёха тоже молчит, но чувствую, как время от времени бросает на меня внимательные взгляды.

— Продолжим? — спрашиваю я, поднимаясь спустя несколько минут.

Лёха не спешит вставать. Он изучает моё лицо, будто пытается понять, насколько я действительно в порядке.

— Силы есть у тебя? — с заботой спрашивает он.

— Мамочка, я здоров! — я хлопаю его по плечу и усмехаюсь, стараясь развеять его тревогу.

— Ну, тогда пойдём, девочка.

Мы снова начинаем двигаться, но теперь осторожнее, внимательнее.

Лёхе, как и мне не нравится проигрывать. И кажется, теперь он не намерен меня жалеть.

— Марк, если что это последний раунд, — говорит друг.

— А что так?

— Ты устал, — отвечает Лёха. На этот раз в его голосе нет ни улыбки, ни привычной насмешки. — Не надо так, сразу.

— Тогда попробуй меня удивить, и я тебя отпущу.

— Ты сам напросился!

Лёха бросается вперёд, а я встречаю его спокойно и собранно.

Я пропускаю его движение, но быстро собираюсь и наношу удар в живот. Кулак попадает точно в цель, но в ту же секунду мою грудь пронзает резкая боль.

Она вспыхивает внезапно и так сильно, что у меня перехватывает дыхание.

Я сгибаюсь, не успев толком понять, что происходит, и Лёха в этот момент успевает провести удар в челюсть. Перчатка попадает мне по лицу.

Голова дёргается в сторону, перед глазами рассыпаются светлые пятна.

Меня ведёт, и я, не удерживаясь на ногах, падаю прямо на колени. На инстинкте хватаюсь за сердце.

Глава 5

— Братан, что с тобой! — тут же присаживается надо мной Лёха.

— Не знаю. Больно в области груди, — говорить неожиданно тяжело. — Зараза… Никогда такого не было.

Лёха сбрасывает свои перчатки и следом снимает с меня мои.

Я не успеваю подняться, как он требует, чтобы я обратно лёг на канвас.

— Лежи, не шевелись. Шутки с сердцем — хреновая история.

— Это не сердце.

— А что? У тебя в этом месте расположена жопа?

Смеюсь. Негромко, но мне даже несмотря на боль весело.

— Волнуешься? — даже валяясь без сил, пытаюсь ответно шутить. — Если сдохну, скучать будешь?

— Я тебе сдохну! А кто моего сына тренировать перед соревнованиями будет?

— Вот значит, как… — теперь уже смеюсь в голос.

— А ты думал! — хохочет и он следом, взяв мою руку в свою и начиная отчитывать пульс. — Я тебя с того света достану! Ты обещал мне его до чемпиона довести.

Больше Лёха не говорит. Около минуты он молчит, вероятно, считая удары сердца.

— Вроде пульс нормальный. Ну как ты? Отпустило?

— Погоди, дай ещё две минуты.

Я по-прежнему лежу с закрытыми глазами, но всё равно чувствую сильное волнение друга.

Хотя какого друга. Он мне уже давно не друг. Брат скорее, хоть и не по крови.

– Марк, может вызовем скорую?

— Зачем?

— Ты же рухнул.

— И что?

— Но если это сердце.

— Лёх, меня, пока я в госпитале лежал, искрутили всего вдоль и поперёк. Нормально всё. Отпустило. Не суетись.

Открываю глаза и пытаюсь встать. Делаю громкий вдох и выдох, пытаясь захватить как можно больше кислорода в лёгкие.

— Старость грёбаная…

— Радуйся, что не чёрная с косой, придурок.

Лёха тянется к телефону, и я догадываюсь, куда он собрался звонить.

— Я же сказал: не звони.

— Погоди. Алло, привет! Занята?

— Привет! Нет. Говори, — хоть Алексей разговаривает не на громкой связи, я всё равно слышу, как из динамика доносится мелодичный женский голос.

— Прости за беспокойство, но у одного человека… друга

моего, сердечко прихватило. Скажи, что нужно делать.

Лёха ходит рядом со мной, но от меня не отводит глаз — будто боится, что со мной что-то случится, если он отвернётся хоть на секунду.

— С кем ты разговариваешь? — спрашиваю его чуть слышно.

Но он не отвечает. Прижимает палец к губам как намёк, чтобы я заткнулся.

— Она спрашивает, где у тебя болит.

— В районе груди болит. Лёх, с кем ты разговариваешь?

— Моя знакомая! — тихо шепчет мне Зверев, прикрывая ладонью динамик телефона. — Ну так чего? В каком месте?

Я коротко объясняю, что чувствую, стараясь подбирать слова так, чтобы не звучать слишком тревожно.

Самому мне происходящее кажется глупым недоразумением. Таким, из-за которого точно не стоило поднимать шум.

Вот же упрямый этот Лёха! Я же просил его не звонить в больницу. Не лезть туда, куда его не просят.

Но он, конечно, решил, что знает лучше.

Заметив мой недовольный взгляд, Зверев отворачивается. Продолжая разговаривать с докторшей, пересказывает ей всё, что услышал от меня.

Закончив, замолкает и сосредоточенно слушает. Вероятно те инструкции, которые я должен выполнить.

Он задаёт ещё пару вопросов, уточняет детали и быстро

прощается. Убирает телефон и поворачивается ко мне.

Он зол. Я сразу это понимаю по напряжённой челюсти и тяжёлому взгляду.

Но злится он не из-за моего состояния — точнее, не только из-за него. Его бесит, что я уговорил его сегодня выйти на ринг. Теперь, наверное, он понял, что не стоило соглашаться.

— По роже тебе что – ли дать ещё разок? — упирает руки в бока и смотрит на меня оценивающе. — Ты какого лешего не сказал мне, что у тебя такие проблемы с сердцем?

— У меня нет никаких проблем.

— Ну, конечно. Именно поэтому ты рухнул на колени, не имеет возможности устоять на ногах. Это как же тебя прихватить должно было, чтобы ты не смог проконтролировать ситуацию! Ты же до такого состояния, чтобы на ногах не стоять, даже ни разу не напивался! Признавайся, это впервые или уже случалось подобное?

Я сажусь на край ринга и не знаю, что ему ответить. Лёха прав: я никогда не падал в прямом и переносном смысле.

Но теперь пришло время, чтобы пусть не другу, но хотя бы самому себе нужно признаться, что я потерял почву под ногами. И это не из-за простой усталости, а по каким-то другим причинам.

— Ладно... — поднимаю на него глаза. — Было пару раз.

— Ты… ты идиот? — Зверев задыхается от нахлынувшего возмущения.

— Хватит обзываться!

— А как тебя ещё назвать? Ты какого хрена здоровье не бережёшь?!

— А нахрена оно мне? — я и правда не понимаю. Меня мало что интересует в этой жизни. То, ради кого я жил — многих нет. А остальное — не имеет смысла. Я давно перестал цепляться за жизнь.

— Тебе самому не обидно будет, если ты сдохнешь в сорок пять? Ты хоть понимаешь, что ты выжил на войне! Ни на одной, причём! Ты прошёл через вещи, о которых не рассказывают даже самым близким друзьям. И вернулся! А теперь что?

— Что?

— А теперь хочешь сдохнуть здесь: среди тренажёров, ринга и запаха пота?

— А почему бы и нет? Вполне приличная смерть для мужика!

— Нет! Для такого, как ты отбитого на всю башку вояки — это как минимум несправедливо!

Да уж. Об этом я не подумал. Если подобное случится, надо мной все сослуживцы ржать будут.

— Ладно. Я понял...

— Что ты понял?

— Как-нибудь схожу к врачу.

— Не как-нибудь, а завтра!

— Ещё записаться нужно.

— Не нужно. Я уже договорился.

— С той, с которой разговаривал?
— Да.
— А кто она? Я её знаю?

Глава 6

— Врач.

— Я уже понял. Фамилия, имя, отчество есть у этого врача? — требую более полной информации.

— Есть.

— И?

— Какая разница?! Тебе назначен приём. А это значит, как в армии: молча идёшь, и всё!

— Лёх, что за тайны?

Замечаю, что другу не нравятся мои вопросы о враче. Почему?

Зверев может сколько угодно делать вид, что он беспечен в этот момент, но я слишком хорошо его знаю. Меня не проведёшь. Он напряжён. Причём сильно!

Я начинаю сканировать его взглядом, пытаясь понять, что именно происходит. Слишком уж странно он себя ведёт.

Зверев и нервничает? Да такого быть не может! У него, насколько я знаю, ни одной нервной клетки в организме нет. Это железный человек.

— Я разговаривал с доктором, которому безоговорочно доверяю!

— Загадочная русская душа, — говорю я усмехаясь. — И что она сказала?

— Сказала, что тебе нужно к ней на обследование.

— Надолго этот тягомотина? За два часа справлюсь?

— Нет. Два часа мало. Нужно больше времени. Бери с собой вещи.

— А это ещё зачем?!

— Ляжешь, полежишь немного, и тебя полноценно обследуют.

Ну уж нет! На вот это всё мы не договаривались!

— Я никуда не поеду, — без всякого размышления отвечаю ему. — Я недавно валялся в больничке, если ты забыл. Там говорили, что с мотором всё в порядке. Зачем опять эти мучения?

— А я сказал: поедешь!

Последние слова Алексей говорит грубо, почти зло.

И всё же за раздражением я слышу другое: страх. Настоящий, плохо спрятанный страх, который он пытается замаскировать командным тоном.

Я смотрю на него внимательнее и до меня, наконец, доходит: Алексей волнуется за меня. И не просто волнуется, а серьёзно.

Хочется снова возразить, но я теперь молчу. Да, я по-прежнему с ним не согласен, но продолжать спорить после такого искреннего волнения за меня — с моей стороны неблагодарное занятие.

— Ладно, если имя скажешь, с кем говорил, съезжу.

— Чего ты к имени прицепился? Какая разница, как её зовут?

— Потому что ты вёл себя странно. Может, она мою рожу увидит и не захочет даже говорить со мной.

— С чего вдруг?

— С того! Ты помнишь, как я поругался с замом начальника госпиталя?

Алексей закатывает глаза и фыркает.

— И что? Не вижу связи.

— А ты с ней дружишь! Ты ведь ей звонил?

Алексей теряется. До него, видимо, не сразу доходит, что я не хочу больше встречаться именно с той злой тёткой.

— А! Нет! Это не она! Расслабься, — громко выдыхает. — Так бы и сказал, что не хочешь ехать в госпиталь. Этот врач, с которой я говорил, работает на гражданке.

— Точно? — прищуриваюсь.

— Клянусь! — прикладывает руку к груди.

— Ну если всё так, как ты говоришь, тогда действительно всё равно. Главное — это не она.

— Всё? Успокоился?

— Да. Поеду, не трусь! — Я стараюсь улыбнуться и легонько толкаю Алексея плечом.

Я хоть и вредничаю, подкалывая его, но мне приятно, что за меня кто-то волнуется.

— Молодец.

— Не бойся. Я ещё твоих внуков нянчить буду!

— Своих лучше нянчи. А я со своими я сам справлюсь! — отвечает он машинально и тут же замолкает.

Между нами повисает тишина. Я смотрю на него, он — на меня.

Понимая, что он сказал лишнего, его лицо меняется. Уверенность исчезает, губы сжимаются, а взгляд полон сожаления.

Несколько долгих секунд мы не двигаемся и не знаем, куда деть глаза.

Алексей первым не выдерживает. Он отворачивается, проводит ладонью по затылку и тяжело выдыхает.

— Прости, брат. Я… я идиот. Никак не могу привыкнуть...

— Нормально всё, Лёх. Я тоже не могу. Но вариантов нет, — говорю спокойно, стараюсь даже улыбнуться, но улыбка выходит слабой.

Я чувствую, как к глазам подступает влага, и быстро отвожу взгляд. Алексей замечает это, но не комментирует.

Он торопливо достаёт телефон, словно рад возможности занять руки и переключить разговор на что-нибудь другое.

— Я напишу тебе адрес. Собирайся и поезжай, — утыкается в экран. — Нужно лечь и обследоваться.

Слышу, как пиликает телефон. Достаю и читаю сообщение: название больницы, адрес, фамилия и инициалы врача.

— Зуева И.В... А чего не пишешь полное имя и отчество?

— Зуева Ирина Владимировна.

— Ирина Владимировна... Ирина Владимировна, — проговариваю вслух. Что-то очень знакомое...

Зуева Ирина Владимировна… Я знал одну Ирину, но не Зуеву, а Филиппову. А отчества своей Ирины я уже и не помню.

— А сколько ей лет, этой твоей Зуевой?

Глава 7

— Ты чего ко мне привязался? — злится друг. — Целый допрос мне устроил. Тебе сказали, что надо в больничку, значит, собирай манатки и вперёд.

Обещая другу, что завтра поеду на обследование, принимаю душ и отправляюсь домой.

Остаток дня бесцельно хожу из комнаты в комнату и никак не могу придумать, чем заняться. Я не привык к такому — когда день свободен, а дел нет.

Телевизор включать не хочется: никогда не любил просто сидеть перед экраном. Друзья заняты — кто на службе, кто в командировке, кто проводит время с семьёй.

В итоге я ложусь в постель, хотя на часах ещё нет девяти. Всё равно вечер нечем занять. Так может, хотя бы высплюсь.

Ненавижу возвращаться в эту квартиру. Здесь каждый угол хранит память о Алле и Артуре.

Странно: в последние дни перед трагедией мы так отчаянно старались наладить отношения, что прежние обиды будто сами собой исчезли и я помню только хорошее.

Ещё недавно претензии казались непреодолимыми, а теперь я ощущаю себя так, словно их никогда и не было.

Я не знаю, какой стала бы наша жизнь, если бы всё сложилось иначе. Тогда мне казалось, что у нас впереди ещё столько времени.

Как же я ошибался.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю: жить нужно сегодняшним днём. Не безрассудно, не забывая об ответственности, а стараясь замечать и ценить тех, кто рядом.

Если хочется сказать о любви — говорить. Если хочется обнять, приласкать, подарить нежность — не откладывать и делать это.

Потому что однажды может оказаться поздно.

Я, например, опоздал дважды. Сначала — когда был молодым, потом — со своей женой.

Ни одной из них я так и не признался в том, что чувствую.

Но не потому, что не любил. Просто мне казалось, что солдату не пристало говорить о любви. Я ведь всегда был уверен, что солдат не имеет прав на эти романтические разговоры.

От воспоминаний о жене я неожиданно переношусь к другой женщине. К Ирине.

К той самой, с которой я узнал, что такое первая любовь. Та самая: неловкая, упрямая, болезненная.

Та, от которой сердце то взлетает, то проваливается куда-то вниз, а весь мир сужается до одного человека.

Почему я вдруг вспоминаю о ней? Наверное, всё из-за имени той докторицы, к которой мне предстоит ехать.

Её же тоже зовут Ирина.

Казалось бы: обычное имя, каких тысячи. Но стоило услышать его, как меня откидывает в прошлое.

Думая об этом, я сразу же вижу её перед собой. Не так от-

чётливо, как тогда, двадцать два года назад, но общие черты помню: совсем молодую, в лёгком светлом платье, и светлыми волосами.

Я обожал её. Ох, даже сейчас мурашки по коже от тех ощущений, которые я тогда испытывал.

Нежная, хрупкая, наивная Иринка…

Я беру телефон и снова перечитываю сообщение от Лёхи: «Зуева Ирина Владимировна».

Несколько секунд просто смотрю на экран. А точнее — на фамилию.

Нет, это точно не та Ирина из прошлого. Фамилия моей Ирины была другой: Филиппова.

Я точно это помню. Потому что иногда я называл её шутливо Филя, Филька.

Снова пытаюсь вспомнить её отчество. Но как ни стараюсь, вспомнить не могу.

Странно. Я помню, как она смеялась, когда нервничала. Помню маленькую родинку на шее.

Помню, как она произносила моё имя, когда злилась, и как почти беззвучно шептала его, когда мы оставались вдвоём.

Но вот отчество забыл.

После попытки вспомнить его, следующей мыслью возникает вопрос: интересно, как поживает моя первая любовь сейчас?

Наверное, у неё семья. Муж, дети. Может быть, даже

взрослые.

Ирина всегда мечтала о детях. И она умела с ними ладить. Стоило ей увидеть ребёнка, как вся её строгость мгновенно исчезала.

Кстати, она ведь тоже училась в медицинском.

Я вспоминаю, как она рассказывала мне об этой профессии с таким воодушевлением, будто уже спасает людей, хотя тогда ещё даже с направлением не определилась.

Кажется, она хотела стать то ли педиатром, то ли терапевтом.

Я пытаюсь вспомнить подробнее, но мысли путаются. Слишком многое из того времени стёрлось, а то, что осталось, теперь причиняет дискомфорт.

И всё же в какой-то момент меня пронзает нелепая мысль: а вдруг это она?А вдруг это та самая Ира, по которой я когда-то сходил с ума?

Я замираю и приподнимаюсь на локоть.

— Нет, — произношу вслух. — Такого не бывает.

Говорю это, но собственные слова звучат неубедительно.

— Ладно, хватит, — бурчу себе под нос. — Устроил тут вечер воспоминаний!

Отгоняя от себя дурные мысли, ложусь поудобнее, натягиваю одеяло до подбородка и закрываю глаза.

В голове ещё вспыхивают обрывки прошлого: наша первая встреча, первая близость, учебники, которые Ирина постоянно носит с собой. Но я усилием воли отгоняю эти вос-

поминания.

Поворачиваюсь на левый бок и почти сразу проваливаюсь в сон.

Засыпаю мгновенно. Армия приучает меня отдыхать в любых условиях: хоть сидя, хоть стоя, хоть под грохот вокруг. Именно поэтому бессонница меня никогда не мучила.

Утром, надев гражданку, я еду в ту больницу, адрес которой написал мне Лёха.

В коридоре набираю другу:

— Привет. Я приехал. Ну и что мне дальше делать?

— Жди! — отрезает и скидывает звонок.

— Ох, ну вот нахрена я согласился на всё это… — тяжело вздыхаю и сажусь на лавку. — Ничего же уже не болит!

Поднимаюсь на нужный этаж и стою у лифта.

Проходит несколько минут, когда я слышу рядом женский голос:

— Марк Захарович?

Поворачиваюсь в сторону звука и вижу перед собой девушку. Она смотрит на меня и улыбается.

Я отвечаю не сразу. Пялюсь на неё, пытаясь понять, не показалось ли мне, что она обращалась именно ко мне.

В голове никак не получается соединить в голове два образа: совсем молодую девушку и врача с большой буквы. Именно так, кажется, выразился Лёха?

И когда она, интересно, успела заработать большую букву? Ей же от силы лет двадцать пять!

Если честно, я представлял врача совсем иначе: женщину постарше. Как минимум моего возраста.

А вместо этого передо мной стоит молоденькая девушка. Точнее, почти девчонка!

Глава 8

— Да, это я, — натягиваю на лицо дежурную вежливую улыбку, изо всех сил стараясь скрыть внезапное замешательство.

— Пройдёмте со мной, — произносит она мягко, но с лёгкой ноткой профессиональной строгости.

Тяжело, сдавленно вздыхаю. В груди разливается привычная тупая тоска: мысль, что впереди снова недели в душных больничных стенах, где каждый день превращается в пытку бездействием, действует на меня удручающе.

Ненавижу быть привязанным к койке. В переносном, конечно, смысле, но что это меняет.

Ненавижу чувствовать себя беспомощным, пока за окнами кипит настоящая, бурная жизнь, из которой меня снова бесцеремонно выдернули.

И главное — по моему собственному согласию! Я ведь обещал Лёхе, что поеду в эту больницу. Мол, здесь лучший врач и всё такое.

Но мне не нужен лучший врач, мне нужно, чтобы от меня все отстали.

Пока я мучаюсь от собственных мыслей, девушка показывает мне палату.

— Вот, выбирайте любую из свободных коек. Располагайтесь. Я схожу за тонометром и снова вернусь к вам.

— Спасибо.

Оставшись в тишине, я опускаю спортивную сумку на линолеум и без сил опускаюсь на кровать.

Панцирная сетка под матрасом тут же глубоко прогибается под моим весом.

А ещё при каждом моём движении она издаёт жуткий скреп, и мне даже страшно подумать, как на ней можно будет сделать хоть одно движение лёжа.

— Надо сваливать, пока не поздно, — встаю с этого скрипучего убожества, поглядываю на выход и размышляю о том, как сбежать.

Не успеваю подумать об этом, как в палату возвращается эта молодая докториха.

Она садится на стул и ждёт, когда я сяду напротив.

— Закатывайте рукава. Я поменяю вам давление.

Нехотя делаю то, что она велит. Обычно командую я, но здесь у меня нет никого права, кроме права свалить отсюда.

— Давление как у космонавта.

— У меня сердце болит. При чём здесь давление? — напоминаю ей, почему я здесь. — Хотя, думаю, всё это ерунда.

— Мы решим — ерунда это или нет. Позвольте врачам самим разобраться с вашим здоровьем?

— А что мне ещё остаётся...

Следом она спрашивает меня о заболеваниях, записывает что-то в блокнот, а мне хочется спросить, сколько до меня у неё было пациентов. Не верю я, что она сможет мне помочь.

Как и не верю в то, что она может быть лучшей в своём деле.

— Всё? — опускаю майку, когда она меня послушала.

— Всё.

— Отлично. Когда найдёте причину боли и выпишут меня?

Девушка никак не реагирует на мой вопрос, только демонстративно закатывает глаза, и, забрав медицинские приборы, спешит покинуть палату.

— Понятно… Ладно… — оглядываюсь по сторонам. — Раз мне не хотят отвечать на вопросы, значит, точно надо сваливать отсюда. Ну я и идиот! Надо было сбегать в частную больничку и за день решить этот сердечный вопрос. А я у Лёхи на поводу пошёл!

Едва успеваю скинуть в сумку всё, что выложил на полку, и дойти до двери, когда путь мне преграждает довольно пышная дама. Она занимает весь дверной проём.

Я, даже если бы был дрищём, не проскочил бы. Что уж говорить с моими габаритами. Точно не разминёмся.

— Эка… И куда это ты собрался, милок? — тянет она нараспев, оглядывая меня с ног до головы.

— В туалет, — вру, не моргая.

— Зачем? — невозмутимо интересуется она, слегка прищурившись.

Вопрос ставит меня в тупик. Я даже замираю на секунду, ошарашенно глядя на неё.

— Как это… Вы не знаете — зачем ходят в туалет.

— Знаю. Только зачем тебе в другой туалет шастать? Тебе что, вашего мало? — она кивает в сторону двери, которая находится прямо в палате.

— А… Не заметил.

— Всё для вашего удобства! — гордо приподнимает нос грузная тётка. — А в туалет ты, милок, с сумкой через плечо намылился?

Вероятно, она без лишних слов догадалась о моём плане сбежать отсюда.

На её вопрос не отвечаю. Да и должен ли я отчитываться перед ней?

Опускаю взгляд на её руки и замечаю, что она держит перед собой пару пластиковых контейнеров с разноцветными крышками.

— Тебе, тебе. Анализы твои проверим, — отвечает мне на немой вопрос, а затем разворачивает меня обратно к кровати и бесцеремонно водружает на тумбочку эти две пластиковые ёмкости. — Завтра ни свет ни заря должен сдать обратно на пост. Поди, разберёшься для чего это?

— Поди, разберусь! — кручу в руках. На банках моя фамилия и инициалы.

— И помни: утром не кушать! — грозит она мне пухлым пальцем.

— Почему? — искренне возмущаюсь я, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение от бесконечных запретов.

Я без завтрака сам не свой. Если не покушаю, убью любого, кто попадётся на моём пути.

Женщина всплёскивает руками и смотрит на меня так, будто перед ней свалился с луны инопланетянин:

— Мужчина, вы в своём уме? Не знаете элементарного? Анализы сдавать!

— А-а-а, — недовольно тяну. — Анализы. Я и забыл...

— Вы задаёте такие странные вопросы, словно ни разу в больнице не лежали.

— Лежал. С ранением.

Последние слова я говорю не задумываясь и напрочь забывая, что я в гражданской больнице.

Такое ляпни где-нибудь в госпитале и никто бы не удивился. А здесь вижу, как эмоции на лице женщины стремительно меняются.

Она замирает, и её бойкая деловитость испаряется без следа.

— С ранением? — тихо переспрашивает тётка, и без приглашения садится на мою кровать.

Мало того что я на ней сижу, она присев рядом увеличила нагрузку вдвое. Матрас настолько прогнулся, что свою задницу теперь я чувствую чуть ли не на полу.

— А где бы был? — начинает гладить меня по руке.

Называю ей последнее место и дальше молчу. Но она не отстаёт. Продолжает задавать вопросы и охать.

Отвечаю скупо. Рассказывать о себе совершенно не хочет-

ся.

Но несмотря на мою сдержанность, замечаю, что она прониклась тем, что я военный и даже не скрывает этого.

— Да, дела… Наверное, там и сердце посадил?

— Не знаю. Может, не будем об этом?

— А! Тяжело вспоминать, что пришлось пережить! Поняла тебя, милок, — быстро кивает. — Но ты не переживай! Мы тебя быстро на ноги поставим и подлечим! У нас знаешь, какая заведующая! Золото, а не заведующая.

— Прямо золото?

— Золото! Ирина Владимировна лучшая. Она выиграла конкурс «Лучший врач года!».

Женщина произносит это с таким неподдельным пафосом и блеском в глазах, словно эту хрустальную статуэтку и диплом на сцене вручали лично ей.

В её интонациях слышится смесь безграничного обожания и священного трепета у своей начальнице.

— Надо же, когда успела – то! — не сдерживаю саркастической усмешки, искренне удивляясь услышанному. — И разве таким, как она, дают подобные награды?

— Каким — таким?

— Молодым, — хмыкаю я, скрестив руки на груди. — А как же опыт? Стаж? Разве он не учитывается при определении победителя такого уровня?

— Молодым? — женщина озадаченно хмурит брови. Она окидывает меня подозрительным взглядом, словно пытаясь

понять, шучу я или серьёзно.

— Ну да. Старухой её точно не назовёшь.

— Это, конечно! Ирина Владимировна, конечно, у нас женщина красивая, и прекрасно выглядит, но я бы не сказала, что она совсем молодая.

Откровенно усмехаюсь, потому что в историю о таланте молодой докторицы я не верю.

Я не первый год живу и знаю, кому и за что могут дать подобные награды.

В памяти снова всплывает эта молодая девчонка, и я ни на миг не сомневаюсь, что получение её награды — классика жанра.

Наверняка очередная папина дочка с купленным дипломом или чья-то протеже, умело разгоняющая кровь в нужных местах какому-нибудь важному медицинскому чиновнику.

Не верю я в сказки про гениальных вундеркиндов в белых халатах.

Чтобы в таком нежном возрасте дорасти до кресла заведующей отделением, да ещё и собрать лавры «Врача года», нужны совсем другие таланты, далёкие от спасения чужих жизней!

— Сколько ей лет? Лет двадцать пять? — даже сам того не замечаю, как ввязываюсь в разговор с женщиной.

Дискуссия эта бесполезна, но делать в четырёх стенах всё равно нечего. А так хотя бы можно убить время за пустой

больничной сплетней.

— Кому? Ирине Владимировне? — санитарка снова переспрашивает.

— Да.

— Что ты! — отмахивается. — Ей сорок с копеечками.

— Сорок? Ещё и с копеечками? Не верю! — я на самом деле искренне удивлён.

— Клянусь! — дамочка эмоционально прикладывает руку к груди.

— Раз так, значит, должен заметить: ваша заведующая выглядит просто сногсшибательно!

— Благодарю, очень лестно, — слышу со стороны двери до боли знакомый голос.

Перевожу взгляд туда и замечаю, что передо мной стоит моя первая и самая сильная любовь: Филиппова Ирина Владимировна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.